

Сегодня. - 1994. - 30 дек. - с. 10

Катрин Клеман: так подхватывают грипп, ветрянку, коклюш

Сергей Бунтман

Вы автор многих эссе, нескольких романов, сборника стихов. Какая связь между этими произведениями кроме того, что их написал один и тот же человек?

— Это единственное связующее звено. Я не люблю скучать, ненавижу классификации и категории. Никогда не остаюсь в шкапушке одних и тех же идей. Когда мне было около тридцати, я начала писать эссе определенного толка, философские работы, посвященные этнологии и психоанализу. Написав три или четыре, я почувствовала, что подхватила (как подхватывают вирус) некую специальность. Но я не хотела никакой специализации, не хотела стать специалистом по...

— Что такое специальность? Возможность с легкостью рассуждать на конкретную тему?

— Специалистами нас делает сторонний взгляд. Не мы сами, а другие превращают нас в специалистов. Но если вы ученый и решили посвятить себя конкретной теме — это другое дело. Это достойно уважения. Я могла бы уйти в науку — у меня для этого было все необходимое: и диплом Ecole Normale Supérieure, и ученая степень по философии, но я не хотела стать специалистом по этнологии или психоанализу. Доказательство тому — я теперь занимаюсь совершенно другими вещами. Так было несколько раз. Когда я написала три книги об Индии, стали говорить — скажем прямо, французские журналисты стали ко мне обращаться со словами: «Как специалист по Индии вы...» И я опять сбежала в иные сферы. И теперь, после выхода моего романа об Австрии и Вене, если мне скажут, что я специалист по Австрии и Вене, это будет неверно. Я-то знаю, что следующая моя книга совсем о другом.

Таким образом, оказалось, что я не следую некоей философской системе, скорее веду философскую гражданскую войну, в ходе которой меня никогда нет там, где меня ищут. Я делаю то, что хочу, и вообще я думаю, что мысль человеческая гораздо лучше себя чувствует, когда свободно преодолевает любые преграды. Это могут быть и географические границы, и рамки мышления.

— Чаадаев писал, что свойство западной цивилизации — как раз наличие множества рамок, из которых человек выбирает подходящую для себя. Зато в России все зыбко.

— Я русская по происхождению. По материнской линии. Никогда об этом не думала, но, может быть, я живу по предписаниям Чаадаева?

— У него это скорее противопоставление... Но вообще, влияет на выбор сюжета то, где вы находитесь? Вы жили в Индии и писали об Индии. Теперь живете в Австрии...

— В какой-то степени. Это не единственный критерий, но мне нужно видеть конкретный пейзаж, конкретные небеса, видеть, какое здесь утро, какой вечер, какая ночь.

Действие моего первого романа происходит в Стамбуле, в Турции XVI века. Я в Стамбуле была недолго, но успела подхватить (опять этот медицинский термин) сюжет, в котором самое главное — город и небо. Вообще действие моих романов всегда происходит в городе, в городе с долгой-долгой историей. И всегда оно соотносится с небом. Небо, конечно, — метафора. Речь идет о другом. Но всегда есть взаимосвязь между городом, его историей и цветом неба, переходом дня в ночь и ночи в день. Так, во всяком случае, мне кажется. Повсюду в мире разбросаны сотни тысяч сюжетов.

— Повсюду?

— Да, повсюду, где есть история.

— А где-то ее нет?

— Я бывала не во всех городах мира. Но, например, трудно себе представить роман о Нью-Йорке. Слишком молодой город. Нужно все-таки несколько веков живой или мертвой цивилизации. Я говорю «живой или мертвой», потому что у меня есть возможный сюжет, связанный с Мехико, а там — и великая мертвая цивилизация, и великая живая. Одна была разрушена, другая ей наследовала. Но может существовать несколько неумерших цивилизаций. Целых три эпохи предшествовали той, в которую я попала, и частично все они присутствовали в жизни. Это крайне важно, даже если история, рассказанная в романе, напрямую не связана с Историей. Тут вступает в силу подсознание, так что полученное мной психоаналитическое образование полностью задействовано.

— С чем мы имеем дело в Индии или в Австрии, с наложением или с одновременным существованием нескольких цивилизаций?

— В Индии это преобладание. Исконная цивилизация (ужасное слово «исконная» — источник многих бед, но все же...), индустская; существует вот уже две-три тысячи лет. На нее наложился определенный слой мусульманского влияния и завоевания. А в XIX веке к ним прибавился весьма тонкий слой — го-

Ученица Клода Леви-Строса, философ, писатель, театровед, Катрин Клеман является автором эссе «Власть слов», «Сыны Фрейда устали», «Опера, или Поражение женщин», «Ганди, или Атлет свободы», романов «Султанша», «Венецианский мавр», «С любовью к Индии» (переводится на русский язык), «Неоконченный вальс» (выдвинут на премию Французской академии 1994 года). Как жена дипломата жила в Турции, Индии, Австрии. Недавно Катрин Клеман побывала в Москве и прочла две лекции в рамках международного семинара критиков и практиков оперы при СТД Российской Федерации: «Слезы в опере XIX века» и «Страницы истории французских и американских оперных либретто».

Беседа с ней подготовлена на радиостанции «Эхо Москвы».

раздо более тонкий, чем это принято считать — английского колониализма.

— Только в XIX веке?

— Вест-индская компания, конечно, существовала задолго до этого, купцы обосновались в Индии еще в XVIII веке, но империя — только в 1857 году. Отсчет нужно начинать с восстания сипаев. Колониализм был, конечно, жесток, но он проник в образ жизни индийцев не так глубоко, как ислам. Но, конечно, между Ригведой и махатмой Ганди много различных слоев, наложенных один на другой. Главная особенность индийской цивилизации — ничего не отрицать.

— Иная цивилизация в вашем последнем романе. Жива или мертва Австро-Венгрия?

— Она еще живее, чем прежде, с тех пор как стерты границы в Центральной Европе. С тех пор как снова появились Венгрия, Словакия, Чехия, империя Габсбургов вновь приобрела не поли-

тория замедляется, чем срывается в пропасть.

— Замедление истории, остановка истории... Тут уже недалеко до какого-нибудь всемирного правительства.

— Не беспокойтесь, мы с вами умрем раньше, чем образуется всемирное правительство. Века пройдут, прежде чем появится такая мерзость.

— Вернемся к вашим романам. Город, небо... а время? Выбираете ли вы какую-нибудь ключевую эпоху для той или иной страны? Турция XVI века, Австрия Франца-Иосифа — это ключевые эпохи?

— Во-первых, все происходит совсем не так. Не я пишу сюжеты, а они приходят ко мне, и всякий раз это новая историческая эпоха. Вообще не надо думать, что автор что-нибудь решает. Когда писатели говорят, что хотят сказать то-то и то-то, они лгут, и беззастенчиво. Писатель хочет рассказать историю, а потом всячески это оправдывает. Так вот, сюжет меня находит, захватывает, я хочу его изложить, но обнаруживается, что за каждым из них, как вы говорите, — ключевая эпоха.

Но нужно сразу сказать, что одной какой-то ключевой эпохи нет. Шестнадцатый век стал ключевым для всех европейских стран, в том числе и для России. Это грандиозная переломная эпоха мировой истории. Таких мало. Вся Европа ринулась на поиски золота, затем Средиземное море стало центром массивных столкновений европейских стран, плюс религиозные войны, которые впоследствии не миновали и Россию. Так что шестнадцатый век — ключевая эпоха для всех.

Период, который сам меня выбрал для последнего романа — очень мирный, несмотря на боснийскую войну. Между 1878 годом и первой мировой войной горизонт вполне ясен. Но начинает выкристаллизовываться национализм. То здесь, то там возникает проблемы национальной самоидентификации, однако больших войн нет. Но медленный подъем национальных чувств делает эту эпоху ключевой. Более полвека пройдет, пока мы приблизимся — через первую мировую войну — к катастрофе второй мировой. Это эпоха высживания — яйцо растет. Переломная эпоха? Нет. Это эмбриональное развитие истории. Сложная проблема.

— Да, сложная. Есть еще одна проблема. Австро-Венгрия породила много мифов. Или мифы сами создали образ Австро-Венгрии. Что для вас мифы нового времени?

— Миф для меня — вполне конкретное понятие. Научный термин. Я редко пользуюсь научными дефинициями, но здесь приходится. Мой учитель Леви-Строс дал мифу очень четкое определение. Для него это система вариантов, предшествующих мысли. Это язык, существующий до мысли, который впоследствии становится логикой, математикой, даже музыкой. Эту систему вариантов можно определить как коллективное бессознательное. У каждой части света оно свое. Но существует определенная взаимосвязь. Универсальных мифов не существует, но есть фрагменты вариантов, которые совпадают с другими фрагментами. Есть еще принцип длительности и непрерывности. Века проходят, империи рушатся, языки преобразуются. Философия меняется (и еще как!), музыка — что о ней говорить... а мифы остаются. Миф живет чрезвычайно долго. Он не вечен, но очень устойчив. Леви-Строс считал, что роман — воплощение мифа, что миф разлагается, превращаясь в роман. Я бы так не сказала, потому что пишу романы, но он был прав: роман — один из вариантов мифа. Так что я прекрасно это осознаю. Когда я пишу роман, то нахожусь в оболочке мифа. В колыбели мифа. Я и не сопротивляюсь. Гораздо разумнее быть убаюканной мифом, чем стараться его подавить.

— Есть ли такой миф, такая тайна, которая для вас непостижима?

— Множество тайн! Я не знаю, идем ли мы ко всеобщему миру или к войне. Вы знаете?

— Нет.

— Я тоже. Я не знаю, изменится или не изменится отношение человечества к смерти. Кажется, что оно меняется, но я не уверена. Как видите, я говорю об отдаленном будущем. Я не знаю, что в себе несет возрождение эпидемий таких болезней, как чума. Пройдут ли они или в этом есть нечто знаменательное, определяющее. Я не знаю разгадки этих тайн. Но они у меня на прицеле.

